

УДК 821.161.1.09-3

КОНЦЕПЦИЯ МИРА И ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ ДУХОВНОГО РЕАЛИЗМА

И. А. Казанцева

Тверской государственный университет
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

В статье на материале современных произведений разных жанров рассматриваются признаки, формирующие художественную специфику метода духовного реализма. Доказывается, что общей основой концепции мира и человека в подобного рода произведениях является религиозно-православная онтологическая и антропологическая составляющая, которая определяет точку зрения, иерархию проблем, принципы создания героя..

Ключевые слова: *духовный реализм, жанр, художественный образ.*

Утвердившееся в современной науке определение метода духовного реализма и выработанный категориальный аппарат позволяют адекватно описывать и классифицировать явления, создаваемые в рамках данного метода. В последние десятилетия появляется много различных произведений, определяемых как православная, религиозная, духовная литература. Широко представлена православная тематика не только в художественной прозе, но и в массмедийном дискурсе. Обзор этого плана информационного пространства представил в своей публикации А.В. Полонский [5]. Слишком разные авторы по уровню художественности, по масштабу творческого дарования, изначальным целям творчества объединяются, поскольку обращены к вопросам бытия человека и Бога, роли церкви в обществе, апеллируют к аксиологическим религиозным константам.

В основе мировидения всех авторов, творчество которых объединено общим методом, представление о реальности благой вести, твёрдое убеждение в Промыслительности жизни, понимание необходимости соработничества человека и Бога, устремлённость к спасению души. Единые принципы обнаруживаются в представленной в творчестве картине мира и человека. Предметом наблюдений в данной статье являются художественные особенности разных авторов, объединённых общностью мировоззренческих установок.

У трёх авторов, произведения которых рассматриваются далее, свой путь к православию и своя творческая история, ведущая к Богу. В.Н. Крупин, давно и плодотворно работающий в литературе, взрастил вятские провинциальные истоки в своей прозе до того уровня, когда естественная простота и литературная образованность оказываются в оппозиции, когда единственной дорогой творчества, по словам самого писателя, становится путь к Богу. О. Николаева и архимандрит Тихон (Шевкунов) реализуют типичный путь той части советской творческой интеллигенции, которая постепенно от увлечения мистикой, оккультизмом, философскими учениями разного плана обретает себя в творчестве на пути служения Богу в миру и монашестве.

Объединяет всех вера в Промысел, в реальность иного мира, этим объясняется своеобразный характер двоemiрия, представленный в их произведениях. По-

вестуя о своём повороте от открывающейся кинематографической карьеры к монашеству («Несвятые святые»), архимандрит Тихон (Шевкунов) резко очерчивает границы двух миров, живущих по разным законам, служащих разным ценностям. Минуя осуждение, не дерзая выстраивать их иерархию, лишь указывая на предпочтения повествователя, он ведёт доверительный разговор с самыми разными читателями. Раскрывая разницу, автор идёт по пути создания притч, обращаясь к евангельской традиции. Через конкретику быта восстанавливается и просвечивает иной смысл, через изменение своего отношения к миру, пересмотр поступков и перспектив своей жизни автор книги доносит до читателя представление о противоположности мира и монастыря. Одновременно тысячами нитей от мирян, ищущих ответы на важнейшие для себя вопросы у духовника, связывает два пространства, показывая, что между ними нет непроницаемой границы, а все непреодолимые трудности создаёт сам человек, делающий выбор. Через обыденную деталь и разъяснение её символического смысла раскрывается перед читателем вся глубина переворота, произошедшего с героем после 10-дневного пребывания в качестве послушника в Псково-Печерском монастыре. «Навстречу мне попался парнишка, который на ходу жевал пирожок и закусывал яблоком. Помню, в какой ужас повергла меня эта зурядная картина. Я не мог понять: почему? И наконец, догадался, что за эти дни так привык приступать к еде, только помолвившись Богу, что человек, улетающий что-то дорогой, показался для меня чем-то немыслимым» [1, с. 34]. Ситуация не становится дидактичной в силу того, что открывается мятущаяся душа главного героя, со свойственными человеку страстями и помыслами, взлётами и падениями.

О. Николаева выстраивает картину двух миров, основанных на разных ценностях, по-своему, возможно, с более близкой женщине, жене священника, стороны. В «Тутти. Книге о любви» читателю поведано о главной заповеди с яркими всплесками иронии и самоиронии, не дающими автору закостеть в гордыне от созерцания своей правильности. Маленькая собачка становится главным действующим персонажем нескольких первых глав книги, история о ней становится поводом для авторской рефлексии о мире, его ценностях, религиозных, прежде всего. И два мира, какими они видятся автору, – это мир большой семьи, творчество, которое не противоречит христианскому служению, что доказывает О. Николаева в своей публицистике («Православие и творчество», «Православие и свобода»), и светская жизнь, обязанности за пределами дома. Приняв решение отдать собачку, подаренную архиереем, героиня показывает несоразмерность масштаба переживаний и причины, прибегая к самоиронии, противопоставив собственное страдание естественной привязанности животного к человеку. «Всякое дыхание да хвалит Господа! Зачем же расставиться с ней? Ради чего? Да и вообще – зачем мне из дома отлучаться – есть там что-то стоящее, ради чего можно отказаться от мира, созданного всей собственной жизнью?» [4, с. 98].

Для того чтобы подтвердить единство методологических подходов, обратимся к произведениям разного жанра. Признаки паломнической литературы определяют своеобразие «Святой земли» В.Н. Крупина (историчность, следование пространственно-топографическому принципу в изложении материала, акцентирование мотива пути и путешествующего и др.). В своём описании иерусалимских святынь, автор следует паломнической традиции, когда «живое “чувство автора” в хождении было характерной и специфичной особенностью, позволившей называть его одним из самых “авторских” древнерусских жанров» [6, с. 15]. Возможно, именно данное свойство позволяет современному писателю, обратившись к ранней паломнической

традиции, раскрыть специфику объекта обозрения, выбор которого зависел не от авторских пристрастий (как будет в Новое время), а от строгих целевых установок древнего церковно-религиозного хождения. Жанровые признаки способствуют выявлению разницы мира православного и иноного в концепции современного писателя. Различие передано через бытовую зарисовку. Автор обращается к администратору гостиницы палестинцу Дауду с вопросом: «Скажи, чем русские паломники отличаются от других: американцев, французов, англичан, немцев?» – Дауд прямо весь озарился и заулыбался: «О, очень просто: у всех чемоданы, чемоданы, чемоданы, а у вас цветы, листья, камни, вода» [2, с. 5]. В.Н. Крупин подытоживает: «Главное впечатление от Святой Земли – это наши паломники» [2, с. 17].

Все три варианта картины мира объединены интонацией неосуждения, которая доминирует при описании разных планов, образа жизни, традиций. Она отражает не только определяемую православием авторскую позицию по отношению к миру, но просветительскую роль творчества, обращённого к различным читателям, идущим к храму. Так, архимандрит Тихон (Шевкунов) даёт в тексте пояснения всем церковным терминам и понятиям. Например, повествуя о людях, ставших для него очень важными свидетелями существования горного мира, он приводит толкования всех слов, значение которых может вызвать затруднение у далёкого от церкви человека. «Кафизма – раздел Псалтыри», «Келарь – монах, ответственный за трапезу и монастырские припасы» и т.д. В.Н. Крупин поясняет, кто такие трудники в монастыре, какова их роль в монастырской жизни. Писатель окружает читателя обыденными реалиями или библейскими чудесами, вспоминая Ветхий и Новый завет, он всегда при этом вспоминает места, упомянутые в священных текстах, связанные с конкретным объектом паломничества в данный момент. «Святой град Иерусалим: горница тайной вечери на Сионе. Здесь было совершено первое Таинство евхаристии, и здесь была последняя трапеза Спасителя со своими учениками. В этой горнице Господь умывал ноги учеников и из неё Иуда ушёл предать своего Учителя. Здесь Воскресший Спаситель явился десяти апостолам. А потом и Фоме. В Сионской горнице на место отпавшего Иуды избрал апостола Матфея. Именно здесь произошло сошествие Святого Духа на апостолов и отсюда берёт начало наша Святая Апостольская Православная Церковь...» [2, с. 107]. О. Николаева, решаясь отдать Тутти, вспоминает святого мученика Христофора, изображённого на фреске Успенского собора в Свяжске с собачьей головой и описанного в житии Дмитрия Ростовского с указанием на эту особенность. При этом писательница разворачивает для неопита подробности версий о его странном внешнем облике. «Наместник Свяжского монастыря мне рассказывал, что есть две версии этой “пёсьей” головы. Первая – что он был необыкновенно хорош и искусителен для лиц противоположного пола, и потому молил Господа избавить его от такого искушения. И Господь услышал его мольбы, превратив голову его в собачью. А вторая версия, что он был из племени людоедов и эта нечеловеческая его голова, когда уже он принял святое Крещение, осталась ему напоминанием о той дикой его природе, которую ему нужно в христианском подвиге преобразить» [4, с. 107].

В системе образов, выстраиваемых в произведениях, все авторы исходят из понимания триединой природы человека, личное усилие которого способно в соработничестве с волей Творца преобразить падшую человеческую природу. В.Н. Крупин, например, отмечает даже минимальные изменения человека, благодаря действию святых на него. Художественное воплощение идеи преображения происходит следующим образом. Сначала приводится общее широкое значение сло-

ва через привлечение примеров из окружающего мира, одновременно сочетающего в себе как простое обыденное, так и чудесное. Глава «Фавор гора святая» содержит постепенное введение читателя в евангельскую историю, которая оживает в Иерусалиме. «Ведь всё-всё в мире свершается преображением. Преображает яйцо в птенца, семечко – в травинку, облако – в дождь, тропинка – в дорогу, надежда – в свершение, мальчик – в мужчину, жизнь земная – в жизнь вечную... – всё преобразается и приближается ко Престолу Божию. И как было бы славно, думал я, чтобы тысячи обветшавших ступеней Фавора, его серпантинное шоссе помогли мне постигнуть это великое слово – преображение, по-гречески – метанойя!» [2, с.57]. И далее происходит попытка передачи непостижимого на языке художественной образности, писатель обращается к сюжету Преображения Господня, когда он явился на горе Фавор святым угодникам, приводит отрывок тропаря, указывающего на святое место: «Преобразился еси на горе, Христе Боже, показавый учеников Твоим славу, якоже можаху» [2, с. 60]. В.Н. Крупин разъясняет смысл слов тропаря, само событие, объединяя прошедшее с теперешним, вновь повторяющимся всякий раз во время литургии и во время паломничества по Святым местам. Экскурс в религиозную, литературную, историческую реальность сменяется описанием паломников, оказавшихся вокруг повествователя. Переход с высокого на бытовой уровень сопровождается изменением лексики (кричали, суеились, еле попевали, кинулись и др.), описывающей открытие храма перед началом служб. Кроме того, происходит обращение к уже известным деталям, изменённому светом, новым состоянием самых разных людей. «Могу сказать, что я несомненно видел благотворные перемены в людях. Пусть малое, но преображение свершилось. Я видел, как люди, самые разные, улыбаются друг другу, старались сказать что-то приятное» [2, с. 65]. Просветительская роль творчества осознаётся в последующем обращении к дореволюционному источнику, включающему описание истории Фавора в разные времена: от древности до начала прошлого века. Завершается глава повторным обращением к смыслу праздника Преображения в характерной для В.Н. Крупина манере сближения фольклорной и христианской традиции, итог – смысл праздника, закрепляющий в сознании неопита важные составляющие на пути к спасению души.

Жанр книги В.Н. Крупина определяет специфику построения образов, характеристика окружающих людей исходит из логики паломничества, переживания паломника объясняют восприятие ситуаций, в которых проявляются отдельные черты всех, встречающихся на пути. О. Николаева обращается к описанию людей, близких к церкви, мирян, монахов, тех, с кем общается в рамках профессии. Принципы описания зависят от авторской оценки. Так, сначала следует бытовая история, диалог, проявляющий те черты, на которых автор фокусирует внимание читателя, затем формулируется вывод, раскрывающий смысл и роль данной истории в авторском повествовании о ценностях мира и церкви. Это может быть встреча с соседом-поэтом Петей, удручённым, по его словам, пошлостью окружающей жизни. В подобном случае писательница иронизирует по поводу поэтических высот и реальности, в которой она возится с маленькой собачонкой. Цитаты классиков сочетаются с псевдоглубокомысленной философией, приправленной научной терминологией. О. Николаева подтрунивает и над собой, и над Петей, поэтому весь рассказ не выглядит осуждением, хотя собеседник представлен в карикатурном свете. Совсем иное дело, когда автор ведёт разговор о монахах. Внешне ситуации сходны общим настроением праздности, отдыха: диалоги, смешные истории, происходящие с людьми, но главное, на чём сделан акцент, это не сами слова и не глубокомысленные

ленные рассуждения, а впечатление и отношение окружающего мира к тем людям, с которыми героиня общается. Давая оценку своего отношения к этим людям, писательница всё последующее повествование выстраивает так, что недостатки выглядят достоинствами, поскольку открывают в её собеседниках искреннее, наивное восприятие мира. «А надо сказать, что праздновать с монахами – очень хорошо. Во-первых, весело – у них всегда в душе есть что-то детское, непосредственное, незадубелое от нашей житейской взрослой жизни, волочащей человека порой мордой вниз, по праху земному. А во-вторых, они и празднуя – богословствуют» [4, с. 140].

Когда архимандрит Тихон (Шевкунов) повествует о людях, окружающих его, цель его описания – открыть для других путь, приведший его к Богу. Он обращается к тому, чтобы запечатлеть поразивших его людей, впервые встреченных им за воротами монастыря. Создавая образы «несвятых святых», он подчёркивает во многих из них внешнюю простоту, чуждость их миру и мирским заботам, одновременно удивительную высоту их служения Богу, отсечение воли, приводит примеры прозорливости, всегда подчёркивая их отмеченность, заслуженную подвигами и трудами во славу Божию. Примеры чудесных предсказаний у автора служат не для привлечения читательского интереса, их немного, и они включаются только в те моменты, когда нужно явить, на мгновение приоткрыть тайную и глубоко скрытую в каждом из таких людей принадлежность к иному миру. Главная же роль примеров прозорливости в том, чтобы показать чудо и Промыслительность. Например, автор строит своё повествование об одном из главных героев произведения отце Иоанне (Крестьянкине) на контрасте, порождённом человечески ограниченным восприятием мира: «Я впервые увидел архимандрита Иоанна (Крестьянкина) в 1982 году, когда приехал в Псково-Печерский монастырь. Тогда, кажется, он не произвёл на меня особого впечатления: такой очень добрый старичок, весьма крепкий (в ту пору ему было только семьдесят два года), вечно куда-то спешащий, даже суетливый, неизменно окруженный толпой паломников. Другие насельники монастыря выглядели гораздо строже, аскетичнее и даже солиднее» [1, с. 39]. Далее раскрывается история жизни архимандрита, но не только во внешних поступках, но в прикровенных событиях жизни. В отдельной подглавке автор резюмирует повествование описанием преображающего влияния этого человека на мир. «Особо хочется вспомнить, как преображались, воскресали души людей от общения с отцом Иоанном, но трудно даже пересказать всё, что происходило за те двадцать пять лет, что я знал отца Иоанна. Хотя как раз утверждать, что я знал его, было бы, пожалуй, неверно. Отец Иоанн весь был одной поразительной и прекрасной тайной» [1, с. 56]. Стремясь воссоздать непередаваемое впечатление, автор книги рассказывает истории конкретных людей, изменивших свою жизнь после встречи с отцом Иоанном, приводит моменты биографии, которые сам отец Иоанн не афишировал. Так, рассказывая о лагерном прошлом своего героя, архимандрит Тихон (Шевкунов) делает акцент на удивительном для всякого обыкновенного человека. Отец Иоанн молится о следователе, переломавшем ему пальцы во время допросов, искренне радуется встрече с приведенным для очной ставки настоятелем, написавшим на него донос. В каждом из описываемых людей автор через трагические и забавные ситуации выделяет особую связь с Богом и огромную любовь к миру и людям, оступающим, но созданным по образу и подобию Божию. Так, об отце Нафанаиле автор скажет: «Я имел счастье навестить отца Нафанаила незадолго до его кончины и был поражён бесконечной добротой и любовью, исходившими от старца. Вместо того чтобы беречь последние остав-

шиеся для жизни силы, этот невероятно экономный во всём другом церковный скряга отдавал всего себя человеку, которого лишь на несколько минут посылал к нему Господь Бог. Как, впрочем, поступал он всю свою жизнь. Только когда-то мы этого не понимали» [1, с. 103]. Каждая история завершается словами, общий смысл которых в непостижимости для человека глубины познания ушедших от мирских ценностей: «Всё на нашей земле – простое и сложное, маленькие человеческие проблемы и нахождение великого пути к Богу, тайны нынешнего и будущего века – всё разрешается лишь загадочным, непостижимо прекрасным и могущественным смирением. И даже если мы не понимаем его правды и смысла, если оказываемся к этому таинственному и всесильному смирению неспособными, оно само смиренно приоткрывается нам через тех удивительных людей, которые могут его вместить» [1, с. 113].

Способности постижения важнейших этических составляющих человека раскрываются на пути, во многом определённом истоками, корнями. Семья, собственное детство – та тема для О. Николаевой, в которой интонация легкой грусти доминирует над иронией. В.Н. Крупин вспоминает родителей и детство в глубинке как моменты, в будущем приведшие к Богу. Для архимандрита Тихона (Шевкунова) благословение матери на путь монашества остаётся необходимым условием прихода к иной жизни, хотя «было страшно жаль в первую очередь растерянных перед нашей твёрдостью, ничего не понимающих родителей» [1, с. 148].

Все три автора в своём становлении большую роль отводят святоотеческой традиции, литературная оказывается на втором плане. Круг чтения вводится в собственное повествование, авторы дают характеристики религиозным источникам. Описывая своё новое состояние, архимандрит Тихон (Шевкунов) вспоминает, что не мог найти утешения в любимых Ф.М. Достоевском, Л.Н. Толстом, В.Н. Крупин литературу считает важной в той мере, в какой она ведёт к Богу. О. Николаева в своей публицистике «оправдывает» творчество только в силу его приобщённости к религиозным ценностям. К литературным источникам они обращаются, когда возникает диалог предшествующей культурной традиции и современной, но при этом всегда присутствует иерархия. «Отец Вонифатий дал мне почитать дореволюционную книгу – первый том творений святителя Игнатия (Брянчанинова), и я до рассвета не сомкнул глаз, открывая для себя этого удивительного христианского писателя» [1, с. 291].

Объединяет и придает целостность концепции мира и человека всех авторов вера в Промыслительность, восприятие чуда. Произведения всех этих авторов, несмотря на стилевые отличия и предпочтения, изобилуют историями чудесного в жизни человека. Причём все эти случаи мыслятся не как единичные, а как закономерные и естественные для каждого человека, обретающего себя на религиозном пути. О. Николаева в характерной для неё манере обращается к своей личной биографии, во многих своих произведениях и в рассматриваемой книге повествует об истории чудесного знакомства со своим мужем священником отцом Владимиром, описывает знакомство своих родителей, произошедшее чудесным образом. Архимандрит Тихон описывает, как в жизни окружающих его людей – хорошо и лишь немного знакомых – проявлялись чудеса. Одна из историй – о высоком милицейском чине, не побоявшемся приложиться к чудотворной иконе на глазах у своих подчинённых и коллег в то время, когда подобный поступок мог вызвать нежелательные последствия. Автор книги в мельчайших деталях воспроизводит удивление врачей и генерала, когда наутро они с удивлением узнают, что попавшей в аварию сестре

героя истории не понадобится повторная операция, которая, несмотря на огромную опасность для жизни, ещё за день до этого представлялась врачам единственным способом поставить её на ноги. В.Н. Крупин рассказывает, как с ним на Галилейском море произошло чудо: «Нас благословили окунуться и в море, и в эти тёплые, даже горячие, ключи. Ещё я умылся в источнике преподобной Марии. <...> Я дальнорок, вдаль вижу как сокол, а вблизи уже без очков ничего не могу прочесть, даже крупного шрифта. Но я видел! Видел рисунок, видел стрелки на часах, взял для проверки арабскую газету и различил даже самые маленькие буквы. Разве не чудо сотворил для меня, грешного, Господь? Я видел и вдаль – лучше прежнего. <...> И вот, прости мне, Господи, я усомнился в милости Божией. <...> Чудо кончилось по моей вине» [2, с. 22–23].

Следствием подобного восприятия мира становится общее представление о времени, события евангельской истории, события современные – всё видится как происходящее здесь и сейчас, каждый миг с человеком происходит чудо милости Божией. Выстраиваются аналогии событий. Все они соотносимы с чудесами, описанными в сакральных текстах. Представление о вневременности определяет организацию времени и пространства в произведениях данных авторов. Показательно, что эссеистичность книг архимандрита Тихона (Шевкунова) и О. Николаевой, восходящее к традиции паломнической литературы повествование В.Н. Крупина по-разному смещают акценты от себя вовне, но составляют единое переживание времени и пространства как энотопоса [3]. Жанровые и стилевые различия проявляют многообразие переданного в едином художественном методе представления о Боге, мире и человеке, важной особенностью которого является отношение к легенде. В.Н. Крупин вводит в своё повествование сравнение сопровождающих группу – монахини Феодосии и гида Зиты. Уточнение позиции паломника дополнительно взглядом, включающим оценку, иллюстрирует разницу в уровне достоверности и в восприятии времени. «Зита умудрилась говорить о Христе как о мифе, как о легенде. Кстати сказать, подобных текстов я наслушался, когда жил в Вифлееме и каждую свободную минуту бежал в храм Рождества Христова» [2, с. 18]. Таким образом, теоцентрическая основа мировидения определяет отбор эпизодов, авторскую позицию, выбор объекта изображения и его оценку, вне зависимости от типа повествования, жанровых и стилевых особенностей произведений авторов, создающих произведения в рамках духовного реализма.

Список литературы

1. Архимандрит Тихон (Шевкунов) «Несвятые святые» и другие рассказы. М. : Изд-во Сретенского монастыря : Олма Медиа Групп, 2012. 640 с.
2. Крупин В.Н. Святая земля. Там, где прошли стопы Его. М. : Вече, 2009. 288 с.
3. Лепяхин В.В. Икона и иконичность. СПб. : Успенское подворье Оптиной Пустыни, 2002. 399 с.
4. Николаева О. Тутти. Книга о любви. М. : АСТ : Астрель, 2010. 352 с.
5. Полонский А.В. Стилистические уроки современных массмедиа и православное слово // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 1. С. 191–205.
6. Решетова А.А. Древнерусская паломническая литература XVI–XVII веков: история развития и жанровое своеобразие : дис. ... докт. филол. наук : 10.01.01 / А.А. Решетова ; МПГУ. М., 2006. 480 с.

**THE CONCEPTION OF THE UNIVERSE AND MAN IN RUSSIAN PROSE
OF SPIRITUAL REALISM**

I. A. Kazantseva

Tver State University
the department of journalism, advertisement and public relation

In the article materials of modern Russian literature are considered as a phenomenon of spiritual realism. The author analyses indications of the method. The paper points that a common base of the universe's conception is orthodox ontology and anthropology determining a point of view, a hierarchy of problems, a principles of a creation of a hero in these works.

Key words: *spiritual realism, genre, artistic image.*

Об авторе:

КАЗАНЦЕВА Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (171100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: irina10768@mail.ru.